

планирования и установить строгий контроль над использованием природных ресурсов; защищать национальное предпринимательство от конкуренции иностранных товаров, поощрять и поддерживать частные инвестиции в мелкое и среднее производство; коренным образом пересмотреть структуру государственного бюджета в пользу производственной и социальной сфер, в частности образования и здравоохранения; реформировать налоговую систему путем уменьшения в ней доли косвенных налогов и увеличения прямого прогрессивного налогообложения; установить контроль над ценами и стабилизировать их на необходимом уровне в интересах народа; демократизировать общественную жизнь и гарантировать на деле права и свободы граждан; обеспечить равенство прав женщин с мужчинами во всех сферах общественной, экономической, политической и культурной жизни; принять меры к укреплению вооруженных сил и прежде всего обеспечить право солдат и офицеров на широкое участие в общественно-политической жизни страны; демократическим путем решить национальный вопрос в стране и проблему кочевников; обеспечить всеобщее, обязательное, бесплатное начальное образование для детей, достигших школьного возраста, и создать необходимые условия для ликвидации неграмотности в стране; расширить бесплатное среднее, высшее и профессиональное образование с целью подготовки национальных научных и технических кадров, необходимых для экономического развития страны; ввести бесплатное медицинское обслуживание и покончить с антинациональной коммерческой медициной; провести чистку госаппарата от антидемократических, контрреволюционных элементов и создать здоровые, демократические государственные структуры управления, служащие интересам народа; принять эффективные меры для ликвидации всех видов гнета и насилия, безработицы, взяточничества, бюрократизма, спекуляции, ростовщичества и повести борьбу с распущенностью, картежными играми, употреблением алкогольных напитков, чарса, опиума и других наркотиков; устранить влияние неокониализма и империализма и зависимости от них в различных сферах – экономике, политике, культуре, идеологии. Правительство ДРА в числе задач первоочередной важности особо выделило обеспечение территориальной целостности, национального суверенитета и независимости страны, решительную защиту завоеваний Апрельской революции, создание подлинного единства всех национальных, прогрессивных и патриотических сил. [169]

В области внешней политики ДРА выступила за проведение самостоятельной миролюбивой политики неприсоединения, позитивного и активного нейтралитета на принципах мирного сосуществования, за сохранение и укрепление мира в регионе и на планете, расширение и углубление разрядки международной напряженности, улучшение отношений добрососедства и сотрудничества со всеми странами региона, развитие и всестороннее расширение дружественных связей с Советским Союзом, в поддержку национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Относительно национальной проблемы зарубежных пуштунов и белуджей было отмечено, что она должна решаться на основе их воли, с учетом исторического прошлого и путем политических переговоров между ДРА и Пакистаном. [170]

Заканчивая свое выступление, Н.М.Тараки призвал все демократические, прогрессивные и национально-патриотические силы к единению под руководством НДПА с тем, «чтобы суметь в возможно кратчайшие сроки довести до окончательной победы национально-демократическую революцию афганского народа и на первом этапе построить демократическое общество, а затем общество процветания и счастья, свободное от оков любого национального и социального гнета, от эксплуатации человека человеком». [171]

Таким образом, вооруженное восстание 7 саура, совершенное армией под руководством НДПА, должно было стать поворотным пунктом в истории развития Афганистана. Афганские революционные демократы в те дни искренне верили, что этим событием и своей победой они открыли для страны путь прогрессивного национально-демократического развития, путь действенной борьбы с вековой отсталостью, за социальный прогресс, счастье и процветание широких народных масс.

Что же представляла из себя НДПА к моменту Апрельской революции? По официальным данным, [172] тогда ее численность составляла около 18 тысяч человек (точнее, 17 800 чел.). Из них примерно 25 % (около 4,5 тыс.) проживали в столице. У партии имелось много сторонников и сочувствующих. По словам Н.М.Тараки, их число превышало 30 тысяч человек. [173] И все же, не принижая ее известную популярность в обществе, прежде всего среди городских жителей, следует сказать, что НДПА накануне прихода к власти представлялась для будущего Афганистана все еще неизвестной величиной. Субъективно она в то время была мало готова к роли общенациональной политической силы как из-за своей немногочисленности, ограниченных социальной базы и сфер влияния, так и ее организационной слабости, связанной с продолжавшейся межкрыльевой борьбой и разногласиями в партийном руководстве. Однако стечение исторических обстоятельств буквально «вытолкнуло» ее на передний край борьбы за власть и рок судьбы ввалил на ее слабые плечи величайшую ответственность за будущее страны и народа. [174]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же произошло в Афганистане в апреле 1978 года: переворот или революция? По этому вопросу можно встретить два полярных, взаимоисключающих суждения. Причем даются они не только походя, мимоходом в конспективно выдержанных газетных и журнальных публикациях, но и в солидных трудах по афганской истории. Большинство западных исследователей (Л.Дюпре, А.Арнольд, Г.С.Брэдшер, Н.П. и Р.С.Ньюэлл, Л.Б.Пуллада и др.) [1] по идеологическим (а точнее, идеолого-конфронтационным) соображениям, а с конца 80-х годов и ряд советских (преимущественно олоафганских) авторов [2] вкупе с некоторыми афганскими высокопоставленными деятелями, в том числе бывшим президентом Наджибуллой, называли эти события «переворотом» (по западной терминологии – «марксистским переворотом»), [3] вкладывая в него широкое понимание данного термина. Все они, как правило, не приводили каких-либо

убедительных аргументов в доказательство своего вывода. В противоположность им многие отечественные историки-афганисты считали и продолжают считать апрель 1978 года началом афганской революции, не отрицая в то же время и того факта, что путь к ней открыл военный переворот, совершенный леворадикальной частью армейского офицерства и унтер-офицерства.

Как представляется, спор вокруг вопроса «переворот» или «революция» будет схоластическим и бесплодным, если предварительно не определиться в сути данных понятий. Это тем более необходимо еще и потому, что слово «революция» с точки зрения его семантики означает «переворот, поворот, смена» и не несет изначально какого-либо иного смысла.

Применительно к общественно-политической жизни под «переворотом» обычно понимается такое явление, которое приводит к передаче власти из рук одной группы одного и того же правящего класса или блока другой, не меняя при этом ни классового содержания власти и ни общественно-экономической системы. Перевороты могут нести в себе определенные элементы и регресса, и прогресса. Революция же – это отрицание старого социально-экономического и политического порядка, коренное изменение содержания базисных и надстроечных институтов государства, а именно: изменение классовой основы власти и системы общественно-экономических отношений. Революция открывает новый путь для развития страны. Классическими примерами социальной революции в этом смысле являются Великая французская буржуазная революция и Великая Октябрьская социалистическая революция в России. И та, и другая привели к ниспровержению власти прежних господствовавших классов и смене общественно-экономической формации.

Однако социальные революции знаменуют не только переход от одной общественно-экономической формации к другой. Они могут решать и ограниченные задачи, оставаясь по своей сути промежуточными, внутрiformационными. Такими, к примеру, являются национально-освободительные революции, которыми была весьма богата вторая половина XX в. Они происходили в рамках старой общественно-экономической системы, почти не затрагивая ее, и решали практически одну главную задачу – политическую, то есть устраняли иноземное политическое господство и приводили к власти в стране национальные силы. Подобного рода промежуточными, правда, с более широким спектром решаемых задач, являются и национально-демократические революции. Они меняют систему политической власти и отчасти систему общественно-экономических отношений, в частности ликвидируют пережиточные феодальные и дофеодальные отношения в деревне и расчищают путь для прогрессивного развития страны. Таким образом, различие между переворотом и революцией заключается в данном случае в том, как верно, в сжатой форме ответил известный отечественный ученый Г.И.Мирский, что «Переворот – это смена режима, революция – смена системы». [4]

Социальная революция может начинаться в разных формах: через «улицу» – выступление масс, парламентским путем или военным переворотом. Первые два варианта маловероятны для многих стран Востока из-за слабости или отсутствия сложившейся здесь партийной системы и традиций общественно-политической борьбы, в том числе парламентской, низкого уровня политического и классового сознания и общественной пассивности масс, глубокой приверженности населения традиционным институтам – религии, вековым обычаям и традициям, этноплеменной и клановой структурам, местным консервативно-клерикальным авторитетам и т.д. Отсюда не случайно, что в указанных странах чаще всего орудием разрешения вопиющих несправедливостей в обществе и государственной системе становятся военные. Хотя, надо признать, далеко не всякий военный переворот открывает путь к революции. Все зависит от того, чьи социальные интересы выражают мятежные военные, насколько они связаны с демократическими, прогрессивными кругами страны и объединены общим стремлением к коренному переустройству политической власти и системы общественно-экономических отношений.

После выяснения содержания понятий «переворот» и «революция» перейдем к обобщенной оценке афганского апреля 1978 года. Да, действительно, в те дни в Кабуле имел место военный переворот, в результате которого был свергнут режим М.Дауда. Однако политические и социально-экономические последствия происшедшего выходили далеко за рамки простой смены режима. Прежде всего изменилось классовое содержание власти в стране. Если раньше политическая власть находилась в руках господствовавшего помещичье-буржуазного блока, то после военного переворота она перешла в руки представителей мелкобуржуазных слоев города и деревни. Но главное заключалось в непреклонном намерении новой власти внести существенные изменения в социально-экономическую систему, а именно: осуществить демократическую аграрную реформу в интересах всего крестьянства, устранить феодальные отношения в деревне, глубоко демократизировать общественную жизнь страны и таким образом обеспечить условия для прогрессивного развития афганского государства. Все это говорит о том, что апрельские события 1978 года в Афганистане положили начало национально-демократической революции (хотя афганским левым демократам не удалось претворить в жизнь лозунги революции в силу различных внутренних и внешних причин, однако от этого она не перестает быть революцией. История знает немало примеров поражения революций, например, русской 1905-1907 гг., иранской 1905-1911 гг., «полупобеды» синьхайской и младотурецкой революций начала XX в. и т.д.).

Афганская национально-демократическая революция не была делом рук узкой группы заговорщиков (военных и гражданских). Она была подготовлена всем предшествующим развитием афганского общества и являлась закономерным следствием продолжавшегося многие десятилетия тягчайшего социального неблагополучия, беспросветной нищеты и бесправия подавляющего большинства населения и острой общественно-политической борьбы между консервативными силами, стремившимися удержать Афганистан на острых, средневековых рубежах жизни, с одной стороны, и прогрессивными, национально-демократическими кругами, выступавшими за радикальное обновление общества на общедемократических началах, – с другой. Афганистан объективно был обречен на социальные потрясения. Как гласит афганская пословица, «вода выходит только из низких берегов».

Непосредственные предпосылки афганского кризиса стали постепенно формироваться в стране примерно с середины XX в. С этого времени Афганистан уже был не неким островком стабильности в бушующем вокруг него океане социальных и национально-освободительных движений, как это нередко представлялось в те годы за пределами страны, а скорее являл собой неторопливо закипавший котел общественных страстей и будущих потрясений. К середине 60-х годов афганская монархия оказалась в состоянии глубокого социально-экономического и политического кризиса. Чтобы вернуть себе лицо и утраченное доверие народа, она предприняла так называемый «демократический эксперимент», ставший для нее роковым. В течение десяти лет его проведения оппозиция, получившая в свои руки право выражать собственные взгляды через частную прессу и проводить открыто массовые антиправительственные акции, настолько раскачала королевскую лодку, что последняя в конце концов опасно накренилась и, зачерпнув воду, пошла ко дну. Закончился более чем двухсотлетний период господства монархии на афганской земле. Крах монархического режима в 1973 году, несомненно, приблизил приход левых к власти в стране.

Афганское общество к этому моменту уже не было типично феодальным. В нем капиталистический уклад примерно с 60-х годов XX в. стал отчетливо приобретать новые черты, оставаясь, правда, сильно отягощенным и скованным феодальными и дофеодальными пережитками в сфере производственных отношений, этнонациональной организации, в области права, быта, психологии и массового сознания. В этих условиях Афганистан объективно нуждался в принятии радикальных мер с целью преодоления отживших средневековых устоев. Однако субъективные факторы, необходимые для реализации данной цели, либо отсутствовали, либо были слабыми. Прежде всего к этим переменам и с точки зрения политического сознания, и психологически не была готова афганская деревня. Несмотря на сохранение в ней несправедливых производственных отношений и огромное аграрное перенаселение, составлявшее почти половину крестьянства, она не испытывала социальной напряженности и все еще находилась в глубокой спячке, видя в своих снах в лице крупного землевладельца-малека, племенного лидера или деревенского богатея-ростовщика своего благодетеля, защитника и непререкаемый авторитет. Ей были в целом непонятны и чужды приходившие из города призывы оппозиции к борьбе за справедливость, права и свободы народа, за его лучшую долю из-за глубоко укоренившихся покорности судьбе и веры в незыблемость установившихся веками порядков, приверженности религии и древним обычаям и традициям, огромной зависимости от духовных, племенных и клановых авторитетов.

Отсюда не случайно, что оппозиционное движение в Афганистане зародилось и развивалось лишь в лоне города и в первую очередь в столице. Его активными участниками были политизированная интеллигенция, государственные служащие, представители мелкобуржуазных слоев города (торговцы, ремесленники, кустари), студенческая и учащаяся молодежь. Последняя, отличаясь большой мобильностью и радикализмом, во многом содействовала созданию в городе нового политического климата, характерными чертами которого являлись острая критика пороков общества, усиление недоверия и вражды к верхам, разочарование в справедливости устоев монархической власти, постоянная общественно-политическая напряженность. Социальный и идейно-политический облик афганской оппозиции был крайне пестрым: от ультраправых, консервативно-клерикальных, либерально-буржуазных, националистических, мелкобуржуазно-популистских до леводемократических и левозкстремистских сил. Каждая из них внесла свою лепту в развенчание и крушение сначала монархии, а затем даудовского режима. Однако все же большей популярностью и влиянием в обществе, особенно среди городских средних слоев, пользовались левые группировки и элементы, ставшие начиная со второй половины 60-х годов по сути дела самой заметной в стране оппозиционной силой, несмотря на свою относительную малочисленность и организационную разобщенность. Леворадикальные идеи и взгляды нашли своих приверженцев и в вооруженных силах страны, среди молодого разночинного офицерства и унтер-офицерства, особенно в столичном гарнизоне.

Левый феномен, как, впрочем, и тяга определенной части правящей и интеллектуальной элиты Афганистана к восприятию либеральных идей и взглядов, были крайне враждебно встречены со стороны консервативно-клерикальных кругов страны. Данные круги в ходе развертывавшейся в 60-70-х годах острой общественно-политической борьбы предметно показали, что, несмотря на известную утрату ими в последние десятилетия монополии на духовное влияние в обществе, они все еще продолжают пользоваться неоспоримым авторитетом среди широкой, глубоко религиозной афганской общественности и по-прежнему остаются серьезной политической силой, способной составить ощутимую оппозицию любому политическому движению и даже правящему режиму, которые посмеют посягнуть на изменение традиционных социальных институтов и заветных предками и освященных исламом устоев жизни населения страны. Однако события в Афганистане, вопреки их желанию, развивались далеко не всегда по их сценарию.

С приходом в 1973 году к власти М.Дауда в качестве главы государства возникли благоприятные условия для достижения компромисса между национально-буржуазными и леводемократическими силами по кардинальным проблемам развития Афганистана, его внутренней и внешней политики. На первых порах плоды сотрудничества этих двух сил были налицо. Обнародованная М.Даудом долгосрочная правительственная программа повторяла ключевые установки программы НДПА. Под воздействием левых в руководстве Республики Афганистан были приняты законы о труде, упорядочено пенсионное обеспечение, введена бесплатная медицинская помощь, установлен жесткий контроль за ценами на основные продукты питания, начата раздача государственных земель крестьянам и т.д. Однако компромисс не состоялся и фронт национально-патриотических, либерально-буржуазных, демократических и прогрессивных сил не был создан. Препятствием к этому явились не только общая неготовность к сотрудничеству различных течений и группировок бывшей антимонархической оппозиции, несхожесть их социально-классовых приоритетов, амбиции, предвзятость и непримиримость друг к другу, но и личность самого главы Республики Афганистан – Мухаммада Дауда (см. о нем Приложение 6).

Черту под противоборством между М.Даудом и левой оппозицией подвело апрельское вооруженное восстание армии (1978 г.), непосредственно спровоцированное и приближенное самим М.Даудом. Оно явилось расплатой за его политическую непоследовательность и авторитаризм и не оставило ему никаких шансов на жизнь.

В апрельских событиях 1978 года, однако, «повинен» был не только М.Дауд. Их известный исход вряд ли бы состоялся без халькистской концепции путчизма, принятой руководством фракции после государственного переворота 1973 года. С этого времени ставка на подготовку военного путча стала центральной в деятельности Хальк. При всей авантюристичности взятого курса указанная фракция тем не менее вскоре получила в свои руки довольно сильную подпольную военную организацию, которая оказалась весьма кстати, когда М.Дауд занес меч над НДПА и ее руководством. Именно военная организация Хальк предрешила исход многолетней политической борьбы в Афганистане в пользу левых сил.

Итак, афганский кризис не свалился в одночасье с небес. Он явился имманентно плодом политическо-го и социально-экономического развития страны и общества. Вместе с тем он не был и не мог быть свободным от внешнего влияния. В нем, как и в подобных событиях в других странах мира, нашли зримое отражение двухполюсные идеолого-политические реалии XX в.

Левые, придя к власти в апреле 1978 года, выдвинули широкую программу реформ и преобразований в стране и обществе. В их числе предусматривались: перестройка основ власти и управления, обновление государственного аппарата, создание новой политической системы общества, реорганизация и укрепление вооруженных сил, проведение земельной реформы, упорядочение семейно-бытовых отношений и устранение из жизни общества наиболее архаичных норм и обычаев, ликвидация неграмотности в стране, решение национального вопроса. Были предприняты меры по корректировке основ внешнеполитического курса ДРА в соответствии с новой политической и идеологической ориентацией кабульского режима и новой международной обстановкой, сложившейся вокруг Афганистана.

Огромной ошибкой при оценке событий в Афганистане в 60-70-х годах XX в. (и это следует особо подчеркнуть) явилось то, что афганскому конфликту в целом придавалась чрезмерно идеологизированная окраска. Пришедший к власти в 1978 году леводемократический режим по сути своей не был «коммунистическим», как его пытались изображать на Западе. Программа НДПА – это, на самом деле, программа национальной демократии, учитывающая специфику страны. При внимательном анализе этой программы нельзя не заметить, что она призвала не к немедленной социализации общества, а к его демократизации, к устранению из его жизни всего архаичного, отжившего, мешающего стране идти в ногу со временем.

Приход НДПА к власти получил на первых порах поддержку большинства населения страны. Однако вскоре партия и правящий левый режим начали утрачивать доверие народа. [5] Афганское государство оказалось втянутым в пучину ожесточенной гражданской войны. Кровопролитный кризис, растянувшийся по времени на несколько десятилетий и став поистине общенациональной трагедией для Афганистана, непосредственно затронул геополитические интересы, мир и безопасность обширного центральноазиатского, южно- и средневосточного региона. С захватом Кабула в 1996 году экстремистским движением «Талибан» и превращением страны в очаг международного терроризма пагубное влияние афганского кризиса вышло далеко за пределы указанного географического пространства и стало фактором мировой политики.

Потрясения и перемены, пережитые Афганистаном в последней четверти XX в., – разительны и ошеломляющи. Многие аспекты возникновения афганского кризиса и деятельности различных оппозиционных сил, а также неудачные попытки его разрешения как на уровне правивших страной режимов различной политической ориентации, так и на международном уровне остаются весьма поучительными для сходных ситуаций в других частях планеты. [6] Есть все основания сожалеть, что среди мировой общественности под влиянием широкого самобичевания по поводу всего комплекса советского присутствия в Афганистане и развернутой в свое время в мире антикоммунистической истерии сложился, в конце концов, негативный образ левой афганской оппозиции, а затем и левого кабульского режима. В связи с этим представляется абсолютно необходимым восстановить правду об афганских левых демократах, ибо без них вряд ли возможно будущее Афганистана. Именно они, составляя значительную часть интеллектуальной элиты страны и будучи горячими приверженцами подлинных прав и свобод человека, способны в наибольшей степени обеспечить демократический вектор развития своей родины.